

НИК ПЕРУМОВ

ЧЕРНОЕ КОПЬЕ



КОЛЬЦО ТЬМЫ

Миры Упорядоченного

Ник Перумов

Черное копье

«Феникс»

1992

Перумов Н.

Черное копье / Н. Перумов — «Феникс», 1992 — (Миры
Упорядоченного)

ISBN 978-5-222-37405-4

Армии тёмного властелина Олмера, вождя воинственных восточных племен, идут к стенам Серой Гавани, и мир снова оказывается на краю гибели.

Магическая сила, которая избрала Короля-без-Королевства своим орудием, хранит и оберегает его. Трёх друзьям – хоббиту Фолко и гномам Торину и Малышу, – а также примкнувшим к ним эльфам предстоит нелёгкая битва.

ISBN 978-5-222-37405-4

© Перумов Н., 1992

© Феникс, 1992

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ник Перумов

Черное копье

*Дрогнет Запад, и дрогнет Восток –
Сила, Сила в Руке.
Девять Звёзд – Синий Цветок,
Синий Цветок на Клинке.*

Часть первая

Глава 1 За Карн-Думом

Жирный чёрный дым медленно поднимался из долины и едва достигал вершин окружающих долину холмов, как упорно дувший уже третий день жёсткий северо-восточный ветер рвал его клубы в мелкие клочья. Однако стоило ветру ослабить свой напор хотя бы на миг, как дымный столб тотчас добирался до низких серых туч, затягивавших всё небо; и был он настолько плотен, что вобравшие его в себя тучи постепенно меняли цвет, становясь словно вывалиянными в жидкой осенней грязи. Но ветер не затихал, после минутной передышки он принимался дуть ещё с большей силой, и тогда у Фолко начинали стучать зубы.

Друзья сидели у небольшого костра, разложенного среди обросших зелёно-голубоватым мхом серых плоских камней, поставленных стоймя какой-то исполинской рукой; в их острых краях злобно и тонко выл ветер, точно голодный июньский комар. Рассёдланные пони понуро бродили по каменистому склону, разыскивая редкие пучки желтоватой пожухлой травы. Малыш зябко кутался в плащ и жалобно хлюпал носом, угрюмый Торин уже в сотый раз проводил правильным камнем по лезвию своего блестящего топора, и без того никогда не знавшего даже малейшего следа ржавчины, хоббит подбрасывал хворост в костёр да от нечего делать провожал взглядом неторопливо ползущие вверх чёрные космы.

Шёл ноябрь, осень уступала место предзимью; здесь, на севере, в дне пути от Ангмарских гор, уже всюду гуляли холодные ветры. Северо-восточные были хоть и студёнее, но суше, а вот когда налетал северо-западный, то уже не помогали никакие костры. Ледяной липкий холод пробирался в мельчайшие щёлочки, и хоббит никак не мог согреться. Уныло гнулись давным-давно облетевшие местные берёзки, чахлые, слабосильные, их тонкие чёрные ветви словно в отчаянном усилии цеплялись за что-то невидимое – может, за уходящее тёплое время?

Фолко помешал булькавшее в котелке варево. Давно уже он забыл те времена, когда в столовую Бренди-холла медленно и торжественно вносилась голубая супница, испускающая сладостные ароматы, и тётушка большим серебряным половником разливала горячую дымящуюся жидкость по фаянсовым тарелкам, не жалея ни мяса, ни овощей со дна... Фолко усмехнулся. Теперь он привык мешать в котелке наспех обструганной веткой – такой же, какая была и сейчас у него в руках.

Их походная пища – суп не суп, каша не каша, жаркое не жаркое – всё вместе! – собственное изобретение хоббита, необычайно простое, быстрое и сытное – ещё не поспела, и он вновь отвернулся от костерка, лениво следя за копошащимися в долине воинами, что суетились возле пожарища. Арнорские дружинники дожигали там остатки мрачного ангмарского

острога; левее, на господствующей высоте, вперемишку с людьми мелькали низкие коренастые фигурки гномов – по приказу наместника там сооружали каменную дозорную башню для сторожевого поста.

– Долго мы ещё тут гнить будем?! – не выдержал Малыш, шумно шмыгая носом. – Где этот Рогволд?! Где обещанный припас?! Каждый час дорог!

Фолко досадливо поморщился, Торин в сердцах сплюнул. Они прошли с войском наместника и охочими гномами (жадных до драки тангаров набралось больше восемнадцати сотен) через весь Ангмар, стараясь напасть на след остатков воинства Олмера, ускользавших, точно стремительная болотная гадюка. Когда передовые отряды дружинников подошли к рубежу Ангмара, то вместо стрел и копий северных удальцов их встретили седобородые старейшины, жалобно рыдавшие и молившие о пощаде женщины да визжащие от страха дети, а отдельно от них к лагерю наместника стали стекаться ангмарские мужчины – крепкие, кряжистые, чернобородые, совсем не злобные и не страшные; низко кланяясь победителям, старейшины в один голос уверяли, что у них и в мыслях не было воевать с Великим королевством; напали на Арнор изгои, проходимцы, люди без роду и племени; и отвечать за них Ангмар не может.

– Ты видишь, о могучий, никто из наших мужчин не ходил к Форносту, – глядя снизу вверх в невозмутимое и непроницаемое лицо наместника, говорили они. – Вот они все перед тобой, и, хотя на нас нет никакой вины, мы молим – укажи, чем нам заслужить прощение?

Хоббит скривился и тряхнул головой, вспоминая эту сцену, за которой затаив дыхание следило всё войско. Примет наместник настойчиво предлагаемый ему мир – и у них появляется шанс настигнуть уцелевших зачинщиков ещё в Ангмаре, нет – придётся выковыривать этих упрямцев из их горных укывищ, и кто знает, сколько понадобится положить на это жизней?

Наместник принял мир. Он наложил дань на Ангмар, обязал старейшин выдать заложников, сложить оружие: мечи, секиры, брони, шлемы, особенно – арбалеты, оставляя лишь луки для защиты стад от волков; а также выделить отряды для постройки наблюдательных постов на перевалах Ангмарских гор. Потребовал он и поимки скрывшихся бунтовщиков, но старейшины лишь ещё ниже гнули такие жёсткие, не умеющие кланяться спины и твердили одно: мол, все дерзкие налётчики, не задерживаясь, прошли через Ангмар к перевалу, искать их нужно за Карн-Думом. Разослав отряды по главным селениям Ангмара, наместник с отборной дружиной и гномами бросились в погоню за беглецами по едва заметным следам на узких горных тропах. Преследовать их оказалось куда как нелегко – случались и обвалы, и невесть откуда взявшиеся стрелы находили неудачливого арнорца, беспечно снявшего шлем; вдобавок Олмер, уводя своих в неведомые пространства за Гундабад, разделил войско на десятки мелких отрядов, шедших разными дорогами. Мало чего удавалось добиться и от местных жителей – несмотря на изъявления покорности, в каждой деревне победителей встречали злобные, ненавидящие взгляды, что бросали исподтишка им вслед поднявшиеся с колен ангмарцы. И если бы не опыт искусных следопытов, таких, как Рогволд, им никогда было бы не разыскать след исчезнувших конных сотен Олмера. Его пехота была большей частью перебита в первом же бою, вырваться из смертельных объятий хирда удалось немногим; уцелевшие же почти все либо попали в плен, либо разбежались кто куда, кроме орков. Эти, оставив на поле битвы почти три четверти своих, не бросили Олмера, и на редких попадавшихся преследователям стоянках встречались то грубый, окованный железом орочий башмак, то тяжёлый расколотый щит с едва различимой Белой Рукой; а однажды передовой дозор притащил в лагерь мёртвого орка – по всей видимости, раненного и добитого своими же. Обнаружили себя и хазги. Несколько раз их толстенные, не знающие промаха стрелы выбивали из сёдел арнорских дружинников; видели и их самих, отходивших последними.

Ангмар лежал позади. Изъявившая покорность, но покорившаяся ли страна? Сердце подсказывало хоббиту, что с этим народом ещё будет много хлопот; такого же мнения были и

его друзья. Олмер исчез – скрылся за затянутым низкими снеговыми облаками перевалом; и наместник объявил войску, что они поворачивают назад.

– Мы не можем бесконечно блуждать в заснеженных бесплодных землях, – говорил он. – А если смутьяны и решились сунуться туда – что ж, их ожидает скорая гибель от голода и стужи. А обратно в Ангмар их не пропустит остающаяся тут дружина. Порубежники Беорнингов тоже предупреждены – враг не пройдёт и там.

Люди и гномы приветствовали его слова громкими одобрительными возгласами. Помалкивали лишь те, кому выпало зимовать здесь до прихода подмены; гномы же намеревались заглянуть в свои старые поселения у северного окончания Туманных гор и тоже не хотели воевать дальше. Их повёл молодой и горячий Хедин, сын Хорта. Фолко же, Торину и Малышу ничего не оставалось, как идти дальше. Не решившись, однако, раскрыть кому бы то ни было цель своего путешествия, они сказали Рогволду, что не собираются возвращаться в Арнор, а попытают счастья на Востоке, в Эреборе, где Дори собирает для похода в Морию всех смелых тангаров. Опечаленный сотник стал было возражать, но Торин лишь отрицательно качал головой в ответ на все его увещевания да просил об одном – по старой дружбе помочь с припасами и тёплой одеждой на дорогу. Тот обещал, и вот друзья сидели неподалёку от ведущей к перевалу дороги, время от времени поглядывая на смутно чернеющие, совсем близкие громады гор. За серым гребнем лежало ущелье, заросшее угрюмым еловым бором; там, от старой ангмарской заставы, начиналась дорога к перевалу. Передовые дозоры Арнора вернулись несколько часов назад – след врага терялся за горными кручами.

Заворожённо глядя на огонь, хоббит погрузился в странное оцепенение. Где-то вокруг него шумел ветер и двигались живые существа, где-то далеко позади, в невообразимой дали расстояний и времён остался его дом и его семья, впереди была неизвестность, а сам он застыл между прошлым и будущим, не решаясь соскользнуть ни вперёд, ни назад. И как хорошо, что не нужно никуда двигаться – пока. Всё ещё в твоей власти, ты всё ещё волен изменить – ничто не даёт такого ощущения, как застыть на миг перед расходящимися путями и знать, что ты свободен в выборе...

Позади него послышалось цоканье копыт; по склону поднимался Рогволд, ведя в поводу трёх выюнных лошадей. Старый сотник брёл, уныло опустив голову.

– Наконец-то! – с облегчением вздохнул Торин, вставая. – Давай, Малыш, перекладывай на пони... Фолко, не стой столбом! Помогай!

Вскоре всё было готово. Подтянут последний ремень на тюке, проверена последняя подкова; пора было прощаться.

– Дайте мне поговорить с Фолко наедине, – неожиданно дрогнувшим голосом обратился к гномам Рогволд.

Малыш удивлённо вскинул было брови, но Торин, бросив на хоббита быстрый понимающий взгляд, дёрнул гнома за руку и отвёл в сторону. Сотник и Фолко остались одни.

– Мы снова расстаёмся, Фико, – тихо заговорил арнорец. – И я вновь не понимаю тебя. Разве ты гном, чтобы связывать свою судьбу с судьбой этого подземного народа? У них свои пути, а у нас, живущих на земле, – свои. Что тебе делать в этом Эреборе? Идти отвоёвывать Морию? Что тебе в ней? Мне страшно за тебя, Малыш. Первый раз всё обошлось, но обойдётся ли во второй? Нет, погоди, не перебивай. Ты хоть и подрос за эти месяцы, но в хирд тебя всё равно не возьмут! Ну что, что ты там будешь делать?.. Впрочем... – Голос сотника неожиданно отвердел. – Давай уж напрямую! Чего вам хитрить со мной? Думаешь, я не понял, с кем вы решили потягаться? Изловить самого Олмера, так, не иначе?!

Сперва Фолко опешил, но Рогволд смотрел прямо и пронзительно, и солгать было уже нельзя.

– Да, мы идём за ним. – И с языка само собой сорвалось: – Пойдём с нами?

Бывший сотник печально усмехнулся.

– Об этом чуть позже... Подумай ещё раз, хоббит, на что ты идёшь? У тебя впереди – снежная пустыня. Никто из вас не ходил раньше по северным скатам Серых гор, никто не знает тамошних путей! На что вы надеетесь?! Рискую своей жизнью, ты не имеешь права забывать о тех, кого оставляешь по эту сторону Гремящих морей, о тех, кто любит и ждёт тебя.

– К чему это, Рогволд? – тихо начал хоббит, глядя на сошедшиеся в каком-то гневно-страдальческом изломе брови сотника и чувствуя, что в груди поднимается смутная пряная волна, поглощающая страх и неуверенность. – Это же враг, Рогволд, враг всему, что мы любим и чему верны. Сердце подсказывает мне, что он не успокоится. Наместник поворачивает назад, но мы не в силах. Нам не будет ни сна, ни покоя, пока по Средиземью бродит именуемый себя Олмером. Он сумел уйти, и не нашлось никого, кто дерзнул бы преследовать его за пределами обитаемых областей. Что ж, мы берём это на себя. Хоббиты когда-то прорвались в самое сердце цитадели Тьмы, несмотря на все преграды и страхи, – почему же я, прямой потомок одного из знаменитой четвёрки, должен повернуть назад, раз судьба распорядилась по-своему и я оказался втянутым в это дело?!

Хоббит стоял, сжав кулаки, его щёки пылали; незаметно к спорящим вновь подошли гномы. Рогволд с тяжким вздохом наклонил голову, и губы его сжались в узкую бледную полосу.

– Наверное, вы правы, – глухо заговорил он после минутного молчания. – Да, наш мир меняется прямо на глазах. – Он невесело усмехнулся. – У нас в Арноре бытует поверье, что страна будет стоять незыблемо, доколе из своего добровольного уединения не выйдут хоббиты. Кто знает – не к тому ли идёт дело?

– К чему эти красивые слова, Рогволд, – поморщился Торин. – Ты хочешь знать правду? Изволь. Мы действительно хотим настигнуть Олмера и пусть даже полечь там, но покончить с ним. Хочешь, будь с нами! Или ты считаешь, он не опасен и гоняться за ним – лишь блажь возмнившего о себе хоббита да двух обленившихся гномов?

– Никогда не говорил ничего подобного! – сверкнул глазами Рогволд. – И я повторю вам: Олмер опасен, необычайно опасен, опаснее всего, с чем или с кем сталкивалось королевство за три века после Победы... Как ловко он сумел превратить своё поражение почти в победу! Пусть погибла пехота – зато уцелели лучшие конники. Но уцелевшие ратники запомнят и, главное, расскажут другим, – Рогволд даже подался вперёд в напряжении, – расскажут другим о благородстве Вождя, не бросившего их на произвол судьбы! Как ловко он сумел убраться из Ангмара, отведя гнев наместника от тех, кто кормил и снаряжал его войско! Как ловко скрылся, оставив по себе и в Ангмаре добрую память – не поссорившись со здешними старейшинами. Не говоря уж о том, что он сумел сделать, объединив всех, кто только мог держать оружие и у кого были хоть какие-то причины и основания сказать себе: «Арнор обидел меня, или мой род, или моих друзей. Я пойду не грабить, а мстить!» Грабителей остановить было бы гораздо легче! Олмер очень, очень опасен, и идти за ним – безумие!

– Это почему? – жёстко спросил Торин, сжимая губы.

– Дозоры донесли, что конница Олмера стремительно уходит на север, – не опуская глаз под взыскующим взглядом гнома, отвечал старый сотник. – Я не знаю, на что он рассчитывает, как намеревается выжить и прокормиться эту зиму за Карн-Думом. Мы закроем перевалы наглухо, обратно ему будет не сунуться. Полагаю, он прекрасно понимает это. А раз так, то у него не остаётся ничего другого, как изо всех сил, не жалея ни людей, ни коней, пробиваться к Эребору, где он может найти пропитание для воинов и корм для лошадей.

Через Серые горы ему не перебраться – я сам когда-то хаживал вдоль них и знаю, что говорю. Они отрезали Олмера от населённых мест, и ему нужно как можно скорее проскочить снежную пустыню, что лежит за ними. Я говорил, кое-кто там всё-таки живёт, но на сотни лиг пути от Гундабада до самого восточного края хребта вы насчитаете не больше сотни домов.

– А разве он не может прорваться в Приречные земли через Гундабадский мост? – озабоченно спросил Торин.

– Не думаю, – покачал головой Рогволд. – Беорнинги слишком тесно повязаны с королевством, чтобы в открытую пропустить через свои владения его врага, о котором они уже получили извещение. А если Олмер вздумает схватиться с ними, его ждёт ещё более быстрая смерть. Гундабадский мост, который держат Беорнинги, непреодолим для любого врага. Ты бывал там?

– Только слышал, – признался гном.

– Тогда я расскажу, чтобы вы знали о нём больше. Дорога от Карн-Дума поднимается там высоко в горы, идя узким ущельем с отвесными склонами, вскарабкаться по которым смогут лишь самые ловкие из людей. Ущелье обрывается у громадной пропасти, отделяющей Гундабад от Туманных гор. Глубина её – пол-лиги, и, когда стоишь на мосту, дна не видно. Внизу течёт холодный горный поток, берущий начало на ледниках Гундабада. От снежных равнин, что лежат к северу от Серых гор, эту пропасть отгораживают неприступные скалы, преодолеть которые и попасть в каньон с его северного конца ещё никому не удавалось. Через эту пропасть переброшен узкий – в ряд по нему могут идти не больше пяти человек – и длинный, около лиги, мост. На другом конце его – крепость. Её бастионы охватывают мост с обеих сторон – последние триста шагов по нему не пройдёшь иначе как под градом стрел и камней. К тому же самая последняя часть моста сделана подъёмной... Нет, если только Беорнинги не пропустят его сами, Олмер не прорвётся там, а если он подкупит их... Что ж, им придётся возратить взятое, и тамошним правителям это прекрасно известно. Нет, Олмеру не пройти в Приречье.

– А может, у него там укрывище на севере? – предположил Торин.

– Может, но что ему в нём? Ему нужно зализывать раны, подтягивать подкрепления – начав войну, из неё так просто не выйдешь, а разве это сделаешь в бесплодной снежной пустыне? Ангмар многих не прокормит... Да и опасно оставаться так близко от наших постов. Нет, я бы на месте Олмера, не теряя ни дня, уходил бы на восток.

– А он точно нигде не сможет перемахнуть Серые горы? – забеспокоился хоббит. – При его-то ловкости – вдруг да найдёт тропку?

– Нет тропок в Серых горах, – покачал головой сотник. – И он не перейдёт их, если, – он метнул косой взгляд на Торуна, – если его не пропустят тамошние гномы. Не в обиду вам будет сказано, согласитесь, встречаются и среди ваших старейшин такие, что могут позариться на золото и самоцветы. А этого добра он из Форноста вывез немало.

– Не пропустят, – отрезал Торин, зло блеснув тёмными глазами, – не пропустят! Потому что уже знают, что нельзя.

– Знают? – разинул рот Фолко. – Откуда?

– Мы послали им весть... с Рудным Эхом, – нехотя бросил гном.

– Ого! – изумился Рогволд. – Давненько я хотел расспросить кого-нибудь из гномов, кто сведущ в этом, – надоело довольствоваться сказками. Что это такое? Я знал, что между гномьими королевствами Средиземья существует какая-то связь.

– Я не могу ничего сказать вам, друзья, – виновато развёл руками Торин, а Малыш смущённо потупился. – Мы нарушим страшную клятву, данную именем... Нет, не спрашивайте меня больше!

– Хорошо, но ответь мне другое, – медленно произнёс Рогволд. – Почему же вы тогда не устроили так, чтобы ваши собратья встретили этого Олмера и покончили с ним? Почему вы даёте ему возможность ускользнуть, когда всё могли бы решить несколько слов?!

Брови сотника гневно сошлись, голос стал сухим и жёстким. Однако ни Малыш, ни Торин не моргнули и глазом.

– Разве королевство потомков Дьюрина в Серых горах стало данником и вассалом Арнора?! – медленно закипая, напыщенно начал было Малыш, однако Торин остановил его.

– Что могут в поле одни гномы против летучей конницы? – с лёгким укором ответил он сотнику. – Странно, что ты говоришь об этом!

– Да им не нужно было бы выходить в поле! Впустили бы этих разбойников к себе в пещеры и передавили бы, как крыс! – Рогволд рубанул рукой воздух. – Чего уж тут церемониться!

Торин покраснел, Малыш насупился, однако они вновь сдержали себя.

– Мои соплеменники не пойдут на такое! – гордо отрезал Торин.

– Такое! Что тут «такого-то»? – горько передразнил его сотник. – Враг есть враг, и поступать с ним нужно соответственно. Раздавить гадину! Не ждать, пока она отрастит себе новые щупальца взамен отсечённых.

– У нас, у гномов, не так, – тихо, но непреклонно ответил Торин.

Наступило неловкое молчание. Его нарушил Рогволд; старый сотник смущённо побряхтел, провёл рукавом по подбородку и заговорил снова, мягче и без металлических ноток:

– Ну не пропустят так и не пропустят. Но тогда я не вижу, какой вам толк пытаться настигнуть опытного воина, у которого вдобавок на счету каждый день. Легко догадаться, что вы увидите на месте тех починков, что стоят там сейчас...

– А что? – жадно спросил хоббит, не сразу заметив потемневший взгляд Торина.

– Пепелище, вот что! – резко бросил Рогволд. – Люди Олмера выметут всё подчистую, и в первую очередь – зерно и сено. Если у них в пути падут кони – считайте, им всем конец. Да... Но, так или иначе, вам придётся идти через не только заснеженную, но и разграбленную пустыню. Припасами же на весь долгий путь от Гундабада до Эребора не запастись. Поэтому мой вам совет: не теряя времени, ступайте к Одинокой горе, но через земли Беорнингов, по хорошим и устроенным путям. Ручаюсь, вы опередите Олмера и перехватите его возле Озёрного Города.

– А наместник разве не отправил гонцов в Приозёрное королевство с просьбой задержать ангмарское воинство? – с самым невинным видом спросил Малыш.

– Не знаю, – помрачнел Рогволд. – Не могу ничего говорить об этом – как и ты, Торин, не властен раскрыть мне секрет своего Рудного Эха.

– Не можешь – не говори, – спокойно отозвался Торин. – Скажи лучше, не отправишься ли ты с нами? Дело, достойное такого опытного воина и следопыта, как ты. Нам будет очень не хватать твоей помощи!

Рогволд не выдержал пристального взгляда гнома и опустил голову.

– Нет, я не могу идти с вами, – с усилием выговорил он. – Подумайте сами, сколько дел будет здесь! Нужно блюсти границу, готовить новое войско, нам придётся создать части конных лучников, способных противостоять подвижным арбалетчикам Олмера, придётся следить за всем мало-мальски подозрительным в Эриадоре, Энедвэете и Минхириате, чтобы не пропустить новый набег. А ещё нужно управиться с Морским народом, усмирить вместе с Роханом вновь зашевелившийся Дунланд... и так далее. Наместник вновь призвал меня к себе на службу, и я обязан остаться. Кстати, я бы на вашем месте не очень-то трепал языком, даже среди надёжных друзей. И поостерегитесь обращаться к наместнику! У меня подозрение, что у Олмера есть уши в столице. Вам лучше уйти так, как вы и решили, – тайно и не медля! На ваших плечах, быть может, лежит главный долг...

При этих словах у Фолко вырвался горький вздох. Теми же словами напутствовал мудрый Элронд отправлявшихся из Ривенделла Хранителей; какой насмешкой звучали они сейчас! Тогда хоббиты уходили, неся с собой Рок Средиземья, после Великого Совета, получив наказания и наставления от столпов Светлых Сил; и мудрость могущественнейшего из этих столпов, Гэндальфа Серого, была вместе с ними почти всегда. А здесь вместо могучего Арагорна, сына Арахорна, потомка Исилдура, будущего Великого короля, старый, уставший от жизни арнорец, простой воин, рождённый обычной женщиной; вместо дружной четвёрки – один хоб-

бит, хоть и подросший и в мифрильной броне; гномов, правда, двое – да разве в числе дело? За судьбой отряда Хранителей с трепетом следили все Посвящённые; если же сгинут они, слезу прольёт, быть может, один лишь Рогволд...

Порыв холодного ветра ворвался под их плащи, и хоббит, с унынием глядя на покрытые снежными шапками горы, вновь ощутил в себе уже знакомое раздвоение – одна его часть, там, где жили предания о доблести и чести предков, сурово говорила: «Не обманывай себя; война окончится не скоро, и доживёшь ли ты до конца её?»; другая же, сохранившая не истреблённые никакими странствиями и лишениями воспоминания о горячем супе, золотистом жарком и ароматном пудинге, постоянно пыталась найти повод, чтобы хоть как-то избежать трудов и опасностей. Вот и сейчас эта его половина задала Рогволду робкий, почти безнадежный вопрос, тем более нелепый, что пятью минутами ранее им же утверждалось совсем иное.

– А почему ты так твёрдо веришь, что Олмер появится снова?

– Я? Твёрдо верю? – Рогволд усмехнулся. – Ни во что теперь не верю. Конечно, лучше всего было бы, чтобы он сгинул где-нибудь в Прирунье... Может же так случиться, правда? Но готовиться всё равно надо к худшему – что он вернётся и что его силы возрастут многократно.

Наступило молчание. Торин хмурил брови, Фолко понуро ковырял в углях потухающего костра, и лишь Малыш смотрел спокойно и бестрепетно, как будто его ничуть не пугало будущее. Тягостную тишину первым вновь не выдержал арнорец. Рогволд стал говорить о дороге к перевалу, о пути через долину Андуина; называл приметные места, удобные стоянки; после чувствительного толчка в бок хоббит очнулся и стал поспешно делать записи.

Фигура Рогволда, замершего с поднятой в прощальном привете рукой, скрылась за обступившими путников сумрачными древними елями. Фолко рукавом отёр неожиданно набежавшие слёзы. Сотник более не пытался удержать его; но в его взгляде хоббит прочёл невысказанную убеждённость, что эта их встреча – последняя и что они расстанутся навсегда. Фолко изо всех сил старался убедить себя, что всё будет не так, всё кончится хорошо, и сам понимал, что это – лишь пустые слова. Они условились с Рогволдом, что отправят ему весточку, когда достигнут Озёрного Города; старый сотник, в свою очередь, обещал написать и отправить письмо в Эреббор по королевской эстафете. Хоббит записал имена надёжных людей в Эсгароте, в Дэйле, в самом Минас-Тирите – ибо кто знает, куда заведёт дорога? Сотник обещал как можно скорее оповестить своих друзей в Гондоре, чтобы в случае чего тревожные вести от трёх путников не застали бы их врасплох. Рогволд не забыл упомянуть и загадочный дом в Аннуминасе, где хоббит наткнулся на поклоняющихся Могильникам, обещая не спускать с него глаз. И уже изрядно отъехав, хоббит вдруг вспомнил, что не предупредил сотника последить за лавкой Архара, но было уже поздно.

Глухая лесная дорога петляла меж диких скал, обросших мхом, пробиваясь через древние дремучие боры. Трое друзей медленно, но упорно продвигались на юго-восток, через угрюмый каменный хаос Эттенмоора к Туманным горам. Суровые северные леса, зажатые горными теснинами, надёжно, как им казалось, скрыли их след, и они опасались лишь дикого зверя. На душе у хоббита было смутно и тягостно. Новая дорога не принесла привычного уже облегчения от груза оставляемых позади забот, напротив – нелёгкие думы и вопросы без ответов не отпускали его ни на миг. Он вспоминал слова Радагаста, сказанные магом перед расставанием: «Не знаю, откуда в Олмере из Дэйла эта сила. Не могу сказать, лишь чувствую... есть она. Да вы и сами помните. Надо узнать, что она такое! Но... Гэндальфу Серому потребовалось несколько десятков лет, чтобы понять, что же за Кольцо попало в руки Бильбо Бэггинса, а Серый тогда был в зените своего могущества...» Вглядываясь вперёд, хоббит не мог увидеть их цели. Легко сказать – убейте Олмера! А если они не найдут его? Он всё же не Роковая Гора – та по крайней мере не могла двигаться... А прозвать, кто вообще такой этот Олмер и как он собирал своё войско, как копил силу и какой она природы – тут впору братья за дело всему Светлому Совету!

Торин тоже ехал хмурый и озабоченный. Один Малыш был весел и бодр; не задаваясь непосильными вопросами, он легко и без споров взял на себя добрую часть дорожных хлопот. Так шли дни. Путники по-прежнему не встречали ни одной живой души. Лёг и растаял первый снег; всё ближе и ближе подступала зима. Всё чаще и чаще хмуривший брови Торин озабоченно глядел на постепенно придвигающиеся вершины Туманных гор, что-то бормотал себе под нос и поторапливал друзей.

– Нам надо успеть перевалить горы, пока снег окончательно не закрыл перевал, – пояснил он свою тревогу.

Медленно тянулись однообразные, похожие друг на друга дни. Окружающая местность мало-помалу менялась, пронзённые скалистыми копиями леса уступали место предгорьям. Где-то далеко на юге остался таинственный Ривенделл; Фолко дорого бы дал, чтобы сделать крюк и заглянуть туда, но времени у них не было. Вдобавок в один из дней они наткнулись на следы чьей-то давнишней стоянки, и пришлось сторожить по ночам.

Однако весь десятидневный путь от границы Ангмара до начала горной тропы, ведущей через Туманные горы, они прошли без всяких происшествий.

Тропа вывела в узкое ущелье, стиснутое неприступными голыми утёсами, и стала карабкаться вверх. Исчезли деревья, кусты, трава – вокруг были лишь камень да снег. Хотя запасливый Малыш и захватил с собой топливо, дрова приходилось беречь, и по ночам путники жестоко страдали от холода. Вскоре ночевать на открытом воздухе, даже в их надёжной и почти непродуваемой палатке, стало невозможно, и в один из вечеров Малыш, лязгая зубами, предложил устроиться в какой-нибудь пещере, чтобы укрыться от пронизывающего ледяного ветра. Торин с сомнением покачал головой, хоббиту тоже стало немного не по себе. Где-то в этих горах давным-давно жили орки, тут были их главные твердыни; кто знает, не остался ли здесь кто-нибудь из этого народа? У хоббита вдобавок не шла из головы описанная Бильбо история о том, как они угодили в лапы к горным оркам, беспечно устроившись на ночлег в прекрасной, сухой и, казалось, необитаемой пещере.

Повесив головы и закутавшись в плащи, друзья медленно брели по узкому ущелью, ведя в поводу упирающихся пони. Хоббит замотал себе всё лицо, оставив лишь узкую щель для глаз – так жесток и холоден был дувший им навстречу ветер.

Под вечер тропа привела друзей на совершенно открытое место, где ветер был так силен, что им никак не удавалось даже поставить палатку. Фолко же, влекомый своим неясным ощущением неведомого, ставшим по-прежнему смутной, но уверенностью, не зная покоя, стал рыскать по окрестным камням.

Вскоре его пальцы нащупали запорошенную снегом щель между двумя каменными складками. Разметав тонкий белый покров, Фолко увидел чёрную глубину узкого лаза, ведущего куда-то в темень, и окликнул друзей.

Нелегко было затащить испуганных пони в тёмную пещеру, но, кое-как справившись, гномы развели небольшой огонь и стали осматриваться. Пещера оказалась удобной и сухой, в неё даже не намело снега.

Острое чутьё вело хоббита по следу необыкновенного, как охотничьего пса ведёт за собой свежий след лесного зверя. Покружив по пещере, Фолко остановился возле громадного, выпирающего из стены камня. На первый взгляд он ничем не отличался от остальных; и всё-таки что-то в нём было не то. Гномы тоже пошарили вокруг глыбы, однако ничего не нашли.

Смеркалось. Едва-едва тлел прогоревший костерок. Малыш и Торин, пригревшись, быстро уснули, хоббит остался на страже. Под рукой у него лежал смоляной жгут, наготове был лук и стрелы. Тишину нарушал лишь вой ветра снаружи да мерное сопение гномов. И тут Фолко почувствовал взгляд.

Чей-то невидимый взор пристально вглядывался в темноту, стараясь понять, кто или что сейчас находится перед ним. Ощувив напряжённое и недоброе внимание, хоббит едва не под-

прыгнул, однако смирил страх, даже, напротив, откинулся и широко зевнул. Память невольно воскресила его давнюю встречу с карликом на границе Старого леса, но сейчас он не только чувствовал этот взгляд, но мог даже точно сказать, откуда на него смотрят и что смотрящий пока один: «Глаза не хуже, чем у кошки, – мелькнула мысль. – Как он в такой темени что-то разобрать может?!» Каждый мускул тела хоббита напрягся; пальцы сжали рукоять метательного ножа; Фолко ждал. Он боялся разбудить гномов, чтобы не спугнуть смотрящего на них; хоббит надеялся, что тот обманется сонным видом незадачливого караульщика и попытается напасть.

Неожиданно подозрительный камень на другой стороне пещеры стал бесшумно отъезжать в сторону; в щель хлынул свет многочисленных факелов, а спустя ещё мгновение на них молча ринулись здоровенные плечистые орки с короткими прямыми мечами. Передний рухнул с ножом хоббита в горле, и остальные на миг замешкались; однако и этого мига хватило гномам, чтобы вскочить на ноги. Друзья спали, не снимая доспехов, и успели встретить врага, встав спина к спине. Кровавый отблеск факелов упал на обнажённое гномами оружие.

Однако орки не полезли вперёд очертя голову. Прежде всего они перекрыли выход из пещеры и стали медленно обступать друзей со всех сторон, словно давая им время полюбоваться своей силой. За меченосцами Фолко заметил лучников; и едва те появились и натянули тетивы, из толпы врагов раздался властный приказ:

– Сложить оружие!

– А больше ничего не хочешь?! – в отчаянии заорал Торин, разражаясь потоком самых чёрных проклятий на своём языке.

У Фолко от страха отнялись руки – только теперь он вдруг понял, что это конец, – они окружены, и как теперь отбиваться?

– погоди, почтенный, – вдруг мягко и рассудительно заговорил Малыш, бестрепетно выступая вперёд, небрежно отодвинув ошеломлённого Тори́на. – С чего это вдруг нам класть оружие? Меня его тяжесть вроде бы ещё не утомила.

– Ты что, не видишь? – с насмешкой отвечал невидимый предводитель. – Ты полагаешь, мы станем тупить наши добрые мечи? У меня достаточно лучников, чтобы из тебя торчало столько же стрел, сколько волос в бороде вашего Дьюрина! Так что бросай железо и не разговаривай!

– А нельзя ли увидеть, с кем мы имеем честь беседовать? – кротко осведомился Малыш. – Неудобно как-то, говоришь, а лица не видишь...

Раздался грубый хохот, ряды орков раздвинулись, и вперёд вышел их вожак в доходящей до колен кольчуге, с плоским шлемом на голове и длинным двуручным мечом, резко отличавшимся от оружия его собратьев. Факелы осветили его довольно-таки правильное для орка лицо, и хоббит понял, что перед ним – один из Сарумановых урукхаев.

– Хотя... Чем кромсать друг друга, давайте лучше побеседуем, – довольно мирно предложил он, несказанно поразив этим хоббита.

Торин же если и был удивлён, то и глазом не моргнул. Его голос, как всегда хриплый в минуту опасности, был твёрд.

– Нам не о чём говорить! – Гном гордо выпрямился, держа наготове топор; лица не было видно под опущенным глухим забралом, на отполированной стали играли багровые блики факелов.

Орк прищурился, его рука в чёрной боевой рукавице лежала на рукояти меча.

– Мы можем принудить вас, но зачем это? – по-прежнему незлобно сказал он. – Нам нужно кое-что узнать от вас. Выхода у почтенных гномов нет. Так почему бы нам не поговорить о том о сём и спокойно разойтись?

Раздался громкий ропот в толпе стоявших за спиной предводителя орков; заскрежетало оружие.

– Тихо! – прикрикнул на своих вожак. – Нам нечего делить – по крайней мере сейчас, – продолжал он, поворачиваясь к гномам и хоббиту. – Ещё раз спрашиваю: будете говорить?

Странное чувство охватило хоббита. Свирепая и нерассуждающая ненависть, переполнявшая Торуна, стала захватывать и обычно безмятежного Малыша; она же парализовала волю хоббита, и у него не осталось сил удержать друга, когда тот в ответ кинул оркам в лицо самые чёрные оскорбления, на какие был только способен гном, чьи предки рубились с орками уже без малого четыре тысячи лет.

Ответом ему был неистовый рёв разъярённых врагов. Прежде чем вожак успел остановить своих, коротко звякнули несколько спущенных тетив, и стрелы высекли быстрые искры на мифрильной броне друзей, бессильно отскакивая от неё и валясь на пол. Взметнулся и упал топор Торуна. И с не меньшей быстротой и ловкостью навстречу ему вынесся меч предводителя орков. Железо звучно ударило в железо, противники сшиблись и разошлись, но хоббит успел заметить глубокую зазубрину на мече орка, оставленную выкованным в Горне Дьюрина топором гнома.

Вновь взвизгнули стрелы, выпущенные в безнадёжных попытках поразить Торуна. Его топор теперь зловеще свистел, рассекая воздух; оружие крутилось вокруг гнома с такой быстротой, что хоббит мог различить лишь быстрые взлески алого огня, вспыхивающие изредка на стали.

Орк не делал попыток напасть. Он стоял, чуть сгорбившись и выставив вперёд свой длинный меч. За его спиной толпились приумолкшие лучники, переставшие даром тратить стрелы. Мгновение – и гном делает незаметный, но удивительно быстрый шаг, молниеносно оказавшись возле предводителя. Взмывает высеребренный топор; удар неотразим, но слух хоббита вновь терзает скрежет столкнувшегося оружия; и Тюрин вновь отступает. Орк не двигается.

Казалось, Тюрин растерялся. На краткий миг он задержал свою руку, неостановимо врашавшую топор, и этим тотчас воспользовался предводитель орков. Фолко и съёжиться не успел, как огромный меч, проскользнув под рванувшимся на защиту топором, обрушился на гнома, метя в самое уязвимое место – в шею Торуна.

Но тот оказался не слабее своего противника. Всего на четверть шага сдвинулся гном, но и этого хватило, чтобы удар орка прошёл мимо. Не теряя ни секунды, Тюрин ответил на удар ударом, но вновь тщетно.

Противники остановились. Орк первым опустил меч.

– Ты даже не знаешь, о чём мы хотели тебя спросить, а уже лезешь драться, – с укором сказал он. – Не горячись! Даже если ты осилишь меня, из ущелья вам не уйти – сейчас ночь. Поэтому умерь свой гнев, потомок Дьюрина! Ты идёшь снизу, нам нужны вести. Что происходит там? Что за война была у Ангмара с Арнором, почему воюют между собой Белокожие? Ты скажешь нам это – или умрёшь. Твоя броня хороша, спору нет, но нет такой брони, чтобы устояла перед мечом!

Тюрин хранил молчание, однако вперёд неожиданно вышел Малыш. Кратко, но точно он стал отвечать на вопросы. Тюрин дернулся было, однако хоббит вцепился ему в локоть. Даже в тёмной прорези шлема можно было видеть разъярённый блеск глаз Торуна.

– Ангмар разбит, – надменно подбоченясь, говорил тем временем Малыш. – Его воинство рассеяно. Те, кто не сдался, уничтожены. Что вы хотите знать ещё?

– Где тот, что водительствовавший Ангмаром? – тихо спросил вожак.

– Вяжет клубки тьмы в Унголианте! – зло рассмеялся Малыш, и Фолко заметил, как поникли плечи орка и в гримасе страдания искривился рот.

– Что с нашими братьями, которые пошли к Форносту?

– Стали пищей воронам на поле брани! Что ещё?

Вожак поднял опущенную было голову.

– Я задам тебе вопрос, который задавал уже многим и из нашего племени, и из других народов. Кто такой Белая Рука? Тот, которому повиновались наши предки? Только самые древние наши старики сохранили какие-то смутные предания о тех днях. Мы сидим в этих пещерах уже очень-очень долго, мы не знаем, где остальные колена нашего рода.

Малыш обернулся, глядя на хоббита, и тот вышел вперёд.

– Белая Рука – это прозвище великого мага по имени Саруман Белый... – начал он, и орки тотчас обратились в слух, позабыв обо всём.

Его рассказ длился долго. Наконец, охрипнув, Фолко умолк.

Некоторое время в пещере царила тишина. Потом предводитель орков неожиданно поклонился хоббиту и сделал знак остальным. Погромыхая железом, орки стали один за другим скрываться в тёмном провале прохода. Вожак задержался.

– Вот и всё, а ты дрался, – сказал он Торину. – Вы можете оставаться здесь сколько угодно, вас никто не тронет. Мы живём сейчас сами по себе, и, может, даже к лучшему, что новый хозяин сгинул...

Последние слова он произнёс уже почти про себя, поворачиваясь спиной к друзьям. Каменная дверь бесшумно закрылась за ним. Несколько минут прошло в оцепенелом молчании, а потом Торин принялся суматошно кидать на спины пони поклажу.

– Ты чего? – любопытствовал обретший прежнюю безмятежность Малыш.

– Сдурел?! – рявкнул Торин. – Ты что, ночевать тут решил?

– А куда нам деваться? – кротко спросил Малыш. – Ты посмотри – темень, холод, ветер, снег... Куда мы пойдём? Нет, придётся довериться слову...

– Чьему? – теряя терпение, завопил Торин. – Слову орка?! Сдурел, как есть сдурел! И чего ты вообще язык распустил? – накинулся он на Малыша. – И чего это ты ляпнул про Унголиант?

– А ты думаешь, было бы лучше, разошли они сейчас гонцов во все края и присоединись они... к этому самому?!

Гномы застыли друг перед другом, сердито сверкая глазами. Наконец Торин вздохнул, плюнул и принялся снимать мешки с пони.

– Так и быть, останемся... Но стеречь будете вы двое! Ясно? А я спать буду.

Ясным морозным днём они вылезли из пещеры. Белая нетронутая пелена выпавшего за ночь снега покрыла камни, ни единого следа не было видно. Постукивая зубами – ветер и не думал успокаиваться, – друзья продолжили путь.

Минула неделя тяжкого, взявшего все силы труда. Тропа шла под уклон, они миновали перевал, но каждый шаг стоил таких же усилий, как добрая лига. Кончились дрова, пришлось кое-как сооружать снежные избушки, на что уходило немало времени. Они уже не шли, а плелись. Без гномов хоббит бы уже давно погиб; и сейчас, покачиваясь на спине пони, куда его едва ли не силой усадили Торин и Малыш, он мог только дивиться их необыкновенной выносливости. Они брели молча, ожесточённо и упрямо пробивая грудью дорогу через снежные завалы. Никто их не преследовал, и хоббит со своим обострённым чувством опасности был совершенно уверен – вокруг них сейчас врагов нет.

Его мысли невольно возвращались к встрече с орками, и он не мог не удивляться – насколько всё же далеко смотрел Саруман! Видать, он не был так уж прав, раз его творения, обретя хотя бы относительную свободу воли, отшатнулись от стихии бессмысленных и бесконечных убийств, двинувшись по пути постижения – для начала хотя бы собственных истоков и предназначения. Да, они оставались ещё во многом орками, но всё же... Недаром их так ненавидят орки истинные, мордорские...

Несмотря на все тяготы, друзья всё же продвигались вперёд, и вот настал день, когда их взорам открылась простирающаяся далеко на восток необозримая Приречная равнина, сейчас

вся белая, сверкающая снежными покрывалами; и дымки многочисленных, разбросанных тут и там деревень. Путь через горы кончился.

Глава 2

Ожидание на краю

С трудом веря своим глазам, хоббит откинул со взмокшего лба меховой капюшон. Да, приметы не обманули, друзья стояли возле самого восточного края Серых гор, у их последнего отрога. В затянутую снежной дымкой даль ещё тянулись какие-то всхолмья и гряды, но сплошные стены серых непреодолимых скал кончались. Казавшийся бесконечным путь вдоль пролегшего на сотни лиг хребта завершился.

Они молча смотрели на изглоданный ветром край последнего утёса, не в силах вымолвить ни слова. Двухмесячная дорога, холод и метели, случайный ночлег в тех местах, где их застигала темнота, – всё это было позади; теперь они могли наконец остановиться и перевести дух.

Над ними навис ярко-синий небесный купол; мартовское солнце сияло вовсю, а кругом расстилалась бескрайняя равнина, далеко на юго-западе был едва виден конус Одинокой горы. В этих местах из-за края хребта выбегала узкая дорога, ведущая к Озёрному Городу; в былые годы ею пользовались немногочисленные жители северных склонов Серых гор. Где-то на самом восточном горизонте чёрной чёткой виднелись Железные холмы – и вот в этом-то коридоре шириной чуть не в сотню миль им предстояло ожидать отряды Олмера, с не меньшим упорством пробивающиеся сюда же по другую сторону гор. А то, что это так, они знали от гномов – родственников Малыша, к которым завернули, сделав краткую остановку возле Южных Ворот королевства потомков Дьюрина в Серых горах. Дозоры гномов уже давно заприметили движение измученных сотен Олмера; по словам собеседников Малыша, выходило, что друзья опережают остатки ангмарского воинства примерно на три-четыре дня; гномы и Фолко вздохнули с облегчением. Торин заикнулся было о том, что можно пройти под горами и встретить Олмера возле Северных Ворот, но Малыш отрицательно покачал головой – путь через всё королевство занял бы, по крайней мере, неделю. Оставалось лишь, не жалея ни себя, ни пони, изо всех сил спешить к восточному краю гор, как и было задумано с самого начала. По хорошо наезженным зимникам, проложенным Беорнингами в когда-то пустынных, а ныне густо заселённых землях между Серыми горами и краем Зелёных лесов, они шли ходко, насколько возможно сокращая ночёвки и дневной отдых. Дорога отнимала почти все силы, однако друзья жадно ловили любой, даже самый невероятный слух, коими во множестве полнились в ту зиму придорожные трактиры.

К своему удивлению, хоббит убедился, что здешних лесорубов, углежогов и древоделей куда больше заботили дела каких-то непонятных степных племён Прирунья, чем новости из Соединённого королевства. Так, мимоходом, как о чём-то совершенно незначашем упоминалось о войне Арнора с Ангмаром, о походе наместника на Север; все были единодушны в том, что, хвала Дубу, война до этих мест не добралась; с кем и за что воевал там Арнор, мало кого занимало.

Известий с юга, из Минас-Тирита, было побольше, но лишь в связи с заботами Приозёрного королевства, вассала могущественной Южной короны; новости из устья Андуина были, в общем, утешительны для хоббита – на рубежах Гондора всё спокойно, торговля с Харадом идёт как всегда, пошаливают пираты на побережье, но не сильно, с флотом Пеларгира шутки плохи. О короле упоминали мало, но всегда с почтением и лёгкой боязнью. Фолко удивило другое – любая новость из Гондора оценивалась лишь с одной стороны – поднимутся или упадут цены на лес, брёвна, доски, древесный уголь, бересту и тому подобное; в то же время самые мелкие изменения в верхушке прирунских племён обсуждались с таким жаром, как будто от этого зависела судьба. Хоббит недоумевал – кочевникам сюда не добраться, у них на пути Эсгарот и Приозёрное королевство, этим лесным жителям нечего бояться Степи.

Выспрашивая, подпавая, а где и подслушивая, хоббит сумел узнать немало интересного о самом государстве Лучников; а среди прочего и то, что порубежные части в неурочное время подняты на ноги и подтягиваются к северной границе. После того как он услышал это от уже третьего купца, он мог только скрежетать зубами от бессильной злости на пару с Торином – хороши же эти потомки Барда, если в их королевстве всякий поганый купчик осведомлён о передвижении армий! Где уж тут говорить о внезапности! В Дэйле у Олмера не может не быть сторонников – это его родина, и весть наверняка найдёт себе дорогу в обход пограничных постов.

– Н-да, приятное местечко, – поёживаясь, буркнул Малыш.

Он обвёл взглядом унылые, лишённые зелени скалы и заснеженные холмы; в ложбинах виднелись голые спутанные кроны редких деревьев. На последнем утёсе, на самой его вершине, высилась открытая всем ветрам сторожевая башня с островерхой крышей. Конечно, ей было далеко до суровой и мощной красоты, изящества и строгой соразмерности тех, что оберегали Аннуминас, не говоря уж об Ортханке, но сложена она была на совесть – приземистая, округлая, она словно выросла в дикий камень. К ней вела едва заметная каменистая тропа, а чуть в стороне, пониже, теснились какие-то низкие деревянные строения – очевидно, конюшни и склады заставы.

– Оттуда должно быть далеко видно, – заметил Торин, кивком указывая на башню. – Поднимаемся?

– К чему? – удивился хоббит. – Хочешь попроситься на постой? А как ты им представишься? Как объяснишь своё появление?

– Не коченеть же на этом ветру! – огрызнулся Торин. – Надо постараться объяснить им. Так мы окажемся на очень удобном месте – для наблюдения за проходом лучше и не придумаешь. Устроимся и будем спокойно ждать.

– А если он постарается проскользнуть через это место ночью да ещё миль на двадцать восточнее? – не унимался хоббит.

– Тогда наутро мы всё равно увидим его следы, – возразил Торин.

– Ну, если у тебя глаза эльфа, – с невинным видом кивнул хоббит. – Или ты намерен метаться от Серых гор до Железных холмов и обратно?

Торин обиженно насупился, но быстро нашёлся:

– Всё равно у порубежников мы сможем провести ночь и отдохнуть. Давайте поднимаемся!

– Не нравится мне это, – решительно заявил Фолко.

Но тут на него разом набросились и Торин и Малыш, заявив, что ночевать на ветру и на морозе они напрочь отказываются, и ему пришлось подчиниться.

Утоптанная тропа, выходящая среди торчащих из снега острых камней, вела вверх. Они поднялись уже до половины, когда хоббиту вдруг стало не по себе. Снова, как и в ущелье орков, его охватил безотчётный страх – не парализующий, обессиливающий, как это случалось с ним в прошлом, – нет, но в тишине приготовившегося к отпору города словно грянул будящий спящих набат.

Фолко остановился. Ничто не двигалось возле серой башни, ни единого огонька не проглядывало в её узких чёрных бойницах, однако от коновязи до них донеслось негромкое ржание лошадей.

– Люди там есть, – глубокомысленно заключил Малыш. – Только почему же никого не видать?

– Подойдём поближе, – заметил Торин.

– Только шлемы наденьте, а? – мрачно обронил хоббит.

Калитка в ограждавшем башню частоколе была отвалена. Снег перед дверьми истоптан, но сами тяжёлые, обитые железом створки были закрыты, казалось, наглухо. Друзья переглянулись; Малыш проверил меч, Торин пошевелил топор за поясом. Хоббит осторожно постучал в дверь – молчание. Торин потянул за кольцо – дверь неожиданно легко отворилась. Они оказались на пороге.

За небольшим арчатым коридором виднелось скупо освещённое каминным или факельным пламенем помещение. Тишина.

Друзья осторожно двинулись внутрь. Двери из коридора в полуовальную обширную залу были распахнуты настежь. В широком очаге у дальней стены горел огонь, на столе в порядке застыли плошки и кружки, вдоль стен тянулись покрытые простым домотканым сукном лавки.

– Ничего не понимаю, – почесал в затылке (точнее, по привычке поскрёб сталь шлема) Торин. – Малыш, где же твои люди?

– Вот они! – внезапно заорал кто-то над самым ухом хоббита.

Обрушившийся сзади удар чем-то тяжёлым отбросил его к противоположной стене. Фолко пару раз перекувырнулся через голову, но сознания не потерял, – наверное, спас шлем, по которому скользнула дубина напавшего. В уши тотчас хлынул заполнивший всё вокруг шум. Скрежет, вопли, визг, глухой лязг, непонятные вскрики, злобное рычание, проклятия – всё слилось воедино. Едва хоббит приподнялся, как на него навалились сзади. Кто-то невидимый, но большой и тяжёлый, источающий тошнотворный запах перепрелого пота, шумно сопя, стал заламывать ему руки. Хоббит отчаянно рванулся, но враг не отпускал его; сила, многократно превосходящая его собственную, выкручивала ему кисть, острая боль не давала сопротивляться; Фолко в отчаянии тонко заверещал, судорожно трепыхаясь, – и тут хватка противника внезапно ослабла, послышался глухой, булькающий хрип, а затем, уже вторично, свист рассекающей воздух стали. Кто-то придавивший хоббита к доскам пола, вздрогнул и отвалился в сторону.

Над растерянно моргающим Фолко на миг застыл с окровавленным клинком Малыш, в следующую секунду уже поворачиваясь к новому противнику. У хоббита не было времени размышлять. Уроки Малыша в Аннуминасе не пропали даром. Он вскочил на ноги и обнажил меч прежде, чем осознал увиденное.

На них нападали восемь здоровенных мужиков с мечами, щитами и копьями. Трое пытались добраться до отчаянно крутящего вокруг себя топор Торина, тыкая в него пиками; двое размахивали мечами, со звоном отражая бесстрашные выпады схватившегося с ними Малыша; один с перерубленной шеей валялся возле хоббита в луже крови; ещё двое, со щитами и в шлемах, похоже, только что выскочили из чёрной ямы подпола, и Фолко невольно оказался с ними лицом к лицу.

Враги застигли их врасплох, друзья оказались в центре зала, и не было рядом спасительной стены, которой можно было бы прикрыть спину; и совершенно непонятно, кто и зачем нападает на них; кто эти люди в башне?

– Эй, послушайте! – завопил Фолко, видя, как двое со щитами выдернули мечи из ножен. – Что вам нужно?! Зачем?!

Ответом ему был быстрый взблеск стали у самых его глаз и удар, который он с трудом отвёл в сторону. Меч второго противника со звоном чиркнул по шлему. Затылком Фолко ощущал совсем рядом спину Малыша, и ему пришлось остановиться.

Горячая волна гнева толкнулась в виски, древняя ярость и безоглядность, надолго заснувшие было в нём, вновь пробудились и ожили. Забыв про второго врага, хоббит дерзко нырнул под выставленный щит того, что оказался поближе, скользящим переводом за голову отразил обрушившийся сверху меч и, не теряя ни мгновения, упал на левую ногу, в длинном выпаде пронзив не защищённое кольчугой бедро противника. Уже вдогонку по его собственному наплечнику лязгнул клинок оставленного им без внимания мечника, но мифрильная броня

выдержала. Фолко поспешно повернулся. Он не видел, что происходит вокруг, не видел, как Торин, взревев, прыгнул вперёд, как первый удар его топора обрубил отскочившее от нагрудных чешуй доспеха копьё, а второй – снизу вверх, из необычной позиции – рассёк одного из противостоявших ему от подмышки до другого плеча, как отразил размашистые, сильные, но не очень быстрые удары вражеского меча Малыш и как в свою очередь он завертелся на месте, точно юла, окружая себя сверканием и свистом вылетающих во все стороны неожиданных атак, и как остриё его меча зацепило горло человека, не успевшего поднять оружие для защиты, и красные брызги полетели в разные стороны, а сам противник судорожно взмахнул руками и повалился...

И вдруг всё сразу стихло. Тяжело дыша, люди начали шаг за шагом отходить, со страхом и изумлением глядя на прижавшихся спиной к спине друзей. Четверо уцелевших, крадучись, бочком отступали до тех пор, пока не оказались возле откинутых крышек подполья.

– Держи! – запоздало вскрикнул Торин, но было уже поздно.

Их противники дружно сиганули в черноту. Послышался торопливый топот ног. Не раздумывая, Торин рванулся за ними. Фолко едва успел сорвать со стены подвернувшийся под руку факел.

– Там может быть засада! – крикнул было он друзьям, однако, прежде чем он нагнал их, короткий ход из подпола во двор кончился, выведя их к коновязи. Их противники торопливо и неловко взбирались в сёдла. Одного сбила стрела хоббита, однако трое других, бросив коней прямо на гномов, смяли их и, не жалея плетей, галопом поскакали через двор и дальше вниз, по тропе. Фолко успел послать ещё одну смертоносную стрелу, прежде чем всадники исчезли за выступом скалы.

Друзья перевели дух. По-прежнему ничего не понимая, они вернулись в башню. Пол в зале был залит кровью, трое убитых лежали, словно туши в мясной лавке, и лишь раненный хоббитом воин в кольчуге тяжело стонал, пытаясь зажать глубокую рану в бедре, из которой толчками выбивалась ярко-алая кровь. Фолко стало дурно, он сглотнул: всё это было ужасно, одно дело – рубить орков, а тут всё же люди, да ещё непонятно, откуда взявшиеся; вдруг это какое-то недоразумение? Он поспешил к раненому и стал, как умел, его перевязывать.

То ли руки у хоббита оказались ловки и в этом, то ли счастливая звезда незадачливого воина стояла в тот день в зените, но вскоре хоббиту удалось наложить жгут, забинтовать ногу и остановить кровь. Раненого положили на лавку, его лицо помягчело. Малыш дал ему напиток.

– А теперь говори! – распорядился Торин, садясь напротив человека. – Кто ты, откуда родом сам и твои товарищи? Почему вы напали на нас? Говори, да только правду! Мы же вам ничего не сделали!

– Мы порубежники Приозёрного королевства, – слабым голосом, задыхаясь, ответил воин. – У нас был приказ – захватить всех, кто попытается приблизиться к посту...

– Ты лжёшь, – спокойно сказал Торин, – и лжёшь неумело. Мне ли не знать работу мастеров Одинокой горы! Твоя кольчуга сделана в Прирунье!

– Вся пограничная стража Лучников носит эреборские доспехи, – прибавил усмехающийся Малыш.

Лицо воина искривила мучительная гримаса, однако он не потерял самообладания и гордо ответил:

– А всё же это так!

Потеряв терпение, Торин яростно встряхнул раненого за плечи.

– Ты думаешь, мы будем тут шутки шутить?! – зарычал он. – Говори, кому ты служишь, иначе, клянусь великим Дьюрином...

Он выразительно покрутил перед самым лицом воина остриём своего длинного кинжала. И без того бледный воин сделался точно льняное полотно, но голос его был по-прежнему твёрд:

– Мне нечего добавить. И больше я ничего не скажу!

– Кали железо, Малыш, – глухо приказал Торин другу.

Маленький Гном хмыкнул, пожал плечами, но всё же подошёл к камину и сунул в огонь железную кочергу; Торин же несколькими быстрыми движениями притянул раненого к лавке его же собственным поясом.

Фолко склонился над лежащим.

– Если ты порубежник – почему же вы тогда не приказали нам сдаться? Вам же было приказано захватить, а не убить приблизившихся к посту?

Лицо воина искривила злобная усмешка.

– Давай-давай, – злорадно прохрипел он, – спрашивай, уродец, работай язычком! Вам гулять тут осталось недолго. Скоро сюда подоспеют наши... Тогда уже мы вас поспрашиваем!

– Железо готово, – невозмутимо сообщил Малыш, отходя от очага с раскалённой докрасна кочергой в руках.

– Выйди, брат хоббит, – тяжело повернулся к Фолко Торин, – и дверь поплотнее прикрой. В Чертоге Ожидания я за это отвечу.

Однако угроза подействовала – пытать пленника не пришлось. Друзья узнали, что он родом из Дэйла, как и его товарищ в такой же кольчуге, который спасся бегством. Шестеро других – это люди из Прирунского всхолмья, лежащего далеко на юго-восток отсюда. Они служили Большому Вождю, тайно вступив в его войско ещё два года назад. Вождь этот, именем Эарнил, ходил с другими своими отрядами в дальний поход на Запад, взял там богатую добычу в ленивом Арнорском королевстве и теперь возвращается назад по северному краю Серых гор. Пленник и его товарищи по оружию, остававшиеся всё это время в Дэйле, через надёжных людей получили приказ – захватить один из сторожевых постов на севере, когда войско Вождя приблизится к краю хребта.

– В Дэйле тревога, – добавил он. – Эстафета из Аннуминаса принесла указ короля Запада выслать войска, занять пространство между Серыми горами и Железными холмами, пленить Вождя и доставить его в Гондор. Но среди приближённых короля Тарнднара есть немало сторонников Вождя, они предупредили.

– А почему ты пошёл служить Вождю? – мрачно спросил Торин, выразительно вертя в руках ещё не остывшую кочергу.

– Потому... потому что ему сладостно повиноваться... – с трудом отвечал пленник. – Потому что ты видишь его и веришь ему, потому что он всё-всё знает про тебя и про все твои беды. Он говорит, что, когда мы прогоним эльфов и возьмём земли... вот тогда заживём, всё будет наше, мы сами станем приказывать...

– Да что ты знаешь об эльфах, остопоп! – в гневе замахнулся было Торин, но сдержал себя.

– Кем бы ни был, твоё какое дело? – огрызнулся пленник, собрав последний запас сил и злости. – Не скажу...

По знаку Торина Малыш вновь сунул кочергу в огонь, и человек, со страхом косясь на багровеющее железо, хрипя и дёргаясь, продолжил говорить.

Его звали Эрднар, он был из мелких купецких подручников, что на свой страх и риск рыщут с немногим товаром по порубежью между владениями Лучников, гномов Железного угорья и землями свободных истерлингов, добираясь и до Голубых лесов в Прирунье. Занятие не сулило больших барышей, попасть в гильдию было несбыточной мечтой, а опасности подстерегали на каждом шагу. Как-то раз его настигли шальные степняки, ограбили, отняли коня, сняли даже одежду, оставив взамен жалкие лохмотья. И если бы не Вождь, Эрднар попросту разорился бы – ведь все сбережения пришлось бы отдать за пропавший товар хозяина. Люди Вождя подобрали Эрднара в степи, одели, дали коня, помогли деньгами... А потом он увидел самого Вождя – и понял, что должен следовать за этим человеком. Его ничто не удерживало в Дэйле – родители давно умерли, братья и сёстры разлетелись кто куда – кто в Озёрный Город,

кто на юг, в новые выселки, основанные королём Тарднаром. Он бросил всё и пошёл за Эарнилом.

Фолко, чувствуя внезапную слабость, невольно покачнулся.

Азарт и ожесточение исчезли, уступив место усталости и опустошённости. Под мифрильной бронёй огнём вспыхнули не пробившие её, но оставившие чувствительный след на теле удары врагов. Кружилась голова, сильно отдавало болью в плече; Фолко пошатнулся и поспешил присесть. Гномы всё ещё топтались возле умолкнувшего пленника. На вопросы о планах Вождя, его дальнейших намерениях он не отвечал, ссылаясь на незнание, и, глядя в его полные страдания глаза, хоббит понял, что тот не лжёт.

– Что значит «ему сладко повиноваться»? – задал он всё время вертевшийся на языке вопрос.

– Сладко повиноваться, и всё тут, – прохрипел пленник. – Пойми, этого не высказать. Главное, ты видишь, что ему ведом путь...

– Куда?! – почти вскрикнул Фолко.

– К хорошей жизни, к славе, к счастью, – не совсем уверенно ответил человек. – Ты говоришь с ним – и знаешь, уверен, что он видит цель. А какова она? Это нам знать пока не дано. Я знаю лишь, чего хотим мы, свободные жители Востока, – мы хотим жить сами по себе, не подчиняясь никаким властителям Запада и не оглядываясь на этих колдунов-эльфов, которые, говорят, и сейчас ещё мутят воду в Средиземье, хотят главенствовать над всеми! Вождь хочет бороться с ними, он хочет создать новое королевство, где люди займут подобающее им место.

– Разве королевство Лучников не живёт по собственным законам и уложениям? – возразил хоббит. – Разве Гондор вмешивается в ваши дела? Разве предписывает вам закон? Разве облагает вас непосильной данью? И, наконец, разве мощь Соединённого королевства не сдерживает лихих истерлингов?

Пленник не ответил. Скривившись, он вдруг заворочался и застонал. Преодолевая головную боль и мельтешение алых сполохов в глазах, хоббит поднялся с лавки и поспешил осмотреть раненого. На повязке вновь расплывались свежие багровые пятна, пришлось вновь наливаться кровь... Они отошли от потерявшего сознание пленника.

– Что будем делать? – хмуро уронил Торин, угрюмо глядя в узкую бойницу. – Сидеть здесь? Метаться по степи? Идти к Дэйлу? Или же добраться до ближайшего поста, где есть порубежники королевства?

– Как мы можем сидеть здесь, – заговорил вдруг Малыш, – если этот проклятый Олмер уже знает, что мы перебили его людей на посту? Что он немедля сделает, а, как полагаешь? Зачем ему свидетели, да ещё такие, которых он наверняка вспомнит по Сиранонской дороге? Вот что он сделает, скажу я вам: отправит сюда отряд – десятков пять – и выкурит нас отсюда за милую душу! Не-ет, Торин, не потому меня в хирд не взяли, что глупый, как иные болтают, а из-за руки! – Он потряс изуродованными пальцами. – Так что, хотя на дворе и холодно, и ветер, но я предпочту оказаться на холоде и ветру, чем попасть здесь, как каменная крыса, в жернова!

– Малыш прав, – поддержал друга хоббит. – Олмер не замедлит с ответом, мы теперь для него – что кость в горле. Надо уходить.

– Ну, положим, – согласился Торин. – Но как его выследить? Что-то не лежит у меня сердце на другой пост идти. Слышал, что этот болтал? Многие в Дэйле за Олмера! Не окажутся ли у него свои люди и на другой заставе?

– А в Дэйл пока идти нет смысла, – продолжал хоббит. – Кто его знает, появится ли он там собственной персоной?

– По мне, – подхватил Малыш, – так лучше остаться здесь. Но не в башне, а засесть где-нибудь в укромном местечке и выждать. Если не всё войско, так отряд-то точно пришлёт. Драться мы не будем, а вот проследить – проследим. Они нас сами приведут к нему.

– Это если он расщедрится, – хмыкнул Торин. – А ты представь, что он никого никуда не посылает, ночью минует цепь постов и скорым ходом – мимо сёл, мимо городов – в степь, в Прирунье? К кормёжке, к отдыху? Что мы ему? Здесь ведь не Запад. Кому мы сможем донести на него в Дэйле? Послушают ли нас там? Он же эти места как свои пять пальцев знает. Может, он решит, что мы для него не опасны, и вообще не обратит на нас внимания?

– Обратит, – с неколебимой, непонятно откуда взявшейся тревожной уверенностью сказал хоббит, опуская голову.

Рой тёмных мыслей пронёсся в его голове; на краткую секунду мелькнули какие-то золотистые с серебром крыши башни, розоватое вечернее небо меж ними, и ему почудилось, что откуда-то из-за окраинной дали на незамутнённый небосклон наплзает незнакомая хмарь, не мгла и не облако, не чёрная, но и не прозрачная, плотная, белесая, словно плесень; и в тот же миг он вдруг услышал хриплые возгласы, хруст плотного снега под едва ступающими копытами выбившихся из сил коней; где-то, уже совсем близко, за недалёкими отрогами, за пока ещё непроходимыми скальными преградами шло войско, то, которое они ждали.

Пальцы хоббита сами собой потянулись к ножнам заветного подарка на груди. И едва он ощутил в ладони привычное тепло витой рукояти, с его внутреннего взора спала пелена; он точно наяву увидел понурые ряды замотанных во что-то мохнатое всадников, устало бредущих по глубокому снегу коней; а на равнине, что лежала между холмистой грядой, через которую переваливало сейчас измученное войско, и краем Серых гор, где высилась сторожевая башня, ему привиделись две торопливо пробирающиеся на северо-запад фигурки наездников...

Он попытался вернуться своим вторым взглядом к оставленному им на время войску Олмера и едва не вскрикнул от боли – в глаз словно залетела острая соринка. Чёрный, едва различимый клубочек, казалось, испускал незримые, но остро отточенные и жестоко ранящие иглы. Не сразу, осторожно подбираясь с разных сторон, Фолко попытался понять, что же это такое, – и наконец с бессильным вздохом прекратил бесплодные попытки. Чёрный клубок, уродливая фигурка не поддавалась. И одновременно он ощутил, как и по нему что-то скользнуло – нет, не пристально вглядывающийся в бесконечность взгляд, выискивающий врага, какой некогда чувствовал на себе Фродо, – нет, это был бессмысленный взгляд беспорядочно шарящих по такому огромному и непонятному миру глаз новорождённого. Однако он уже существовал, и Фолко понял, что привлёк к себе внимание этого младенца – будто пронёс игрушку у него под носом.

Хоббит встряхнулся и вновь очутился в дымной зале караульной башни.

– Если Олмер кого и пришлёт сюда, это будет не раньше, чем послезавтра, – говорил тем временем Торин. – Если поступать по-твоему, Малыш, то нужно сразу же выходить и искать себе укывище где-нибудь в скалах... Да, а что с этим-то делать? – Он указал на пленника.

– Возьмём с собой, – пожал плечами Малыш. – Не убивать же его.

После долгих поисков им посчастливилось набрести на укромную пещерку высоко над северной равниной, откуда было видно далеко на северо-запад, север и восток. Насколько мог охватить глаз, повсюду тянулась унылая заснеженная равнина, кое-где прочерченная невысокими грядами холмов. То тут, то там виднелись небольшие кучки чёрных низкорослых деревьев. Ни зверя, ни птицы – мёртвая тишина и неподвижность.

Изрядно пообчистив караульную, они постарались устроиться как можно удобнее. Своих пони они отвели в узкую ложбину, закрытую от ветра, и наскоро соорудили им из подвернувшихся под руку жердей хоть какой-то навес. К вечеру всё было готово, и они перебрались на свой наблюдательный пункт.

– Если Олмер пришлёт отряд и мы сможем его выследить, что же делать с этим Эрднаром, вразуми меня Дьюрин, – пробормотал Малыш, поудобнее устраиваясь на одеялах и натягивая до носа меховой капюшон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.